

Собеседник. — 1997 — № 21 — с. 15

Самого начала «Объяснение в любви» задумывался как сольный альбом Аркадия Укупника. Я не была в восторге от этой идеи, но он долго и упорно убеждал, что все будет замечательно.

В конце концов Аркадия меня уговорил, и мы решили трихнуть стариной...

— Непонятно только, почему вы так долго сопротивлялись?

— После «Пляжного сезона» мы с ним временно расстались, но не из-за ссоры — просто решили немного отдохнуть друг от друга...

Одно время я решила измениться, запеть грустные лирические песни, сделать из себя гранд-даму.

— Насколько я знаю, идея сделать из вас «роковую» женщину и заставить петь лирические песни принадлежала вашему мужу. Вы же этому отчаянно сопротивлялись...

— Не так уж отчаянно... Во-первых, хотелось попробовать что-то новое, во-вторых, каждой женщине хочется быть красивой, загадочной, лирической. Вот я три года и занималась этой ерундой. Не могу сказать, что это не нравилось. Но... Это не я. Не могу быть гранд-дамой, я — девочка с улицы. За что меня любят и за что я, наверное, сама себя сейчас люблю.

В общем, надоело мне петь грустные песни, искать... Во время записи последнего альбома студия «Союз» предложила мне песню Олега Молчанова «Электричка». Я согласилась. После нее мне многие говорили: «Наконец-то мы услышали «старую» Алену». Потому и спета эта песня в общем-то никак, и сама песня — хорошая, заводная, танцевальная, дискотечная, — но ничего особенного. И вдруг ее запела вся страна.

— Действительно, зачем чего-то там искать? Возьми песню — никакую, спой ее — никак, и сразу же народное признание, деньги рекой. Как говорят, будьте проще — и народ к вам потянется. А не задевает, что ваше имя вместе с песней «Ксюша» до сих пор остается символом безвкусицы?

— За «Ксюшу» мне досталось по полной программе. До сих пор не могу забыть один эпизод. Смотрела я как-то передачу «Пока все дома», пила чай. Телевизионщики были в гостях у Олега Табакова, встреча подходила к концу, и ведущий попросил: «Давайте на прощание какую-нибудь песенку споем». На что дочка Табакова говорит: «Давайте эту — «Ксюша, Ксюша». И тут Олег Павлович меняется в лице, совершенно искренне вытаращивает глаза и взрывается: «Никогда! Это ужасно! никогда!!!» Я даже чаем поперхнулась... Не знаю, что за эту «Ксюшу» несчастную в меня так въелись? По-моему, простая танцевальная песенка.

— То есть вас — человека, отучившегося целый год в консерватории по классу народного пения, эта песня не коробит?

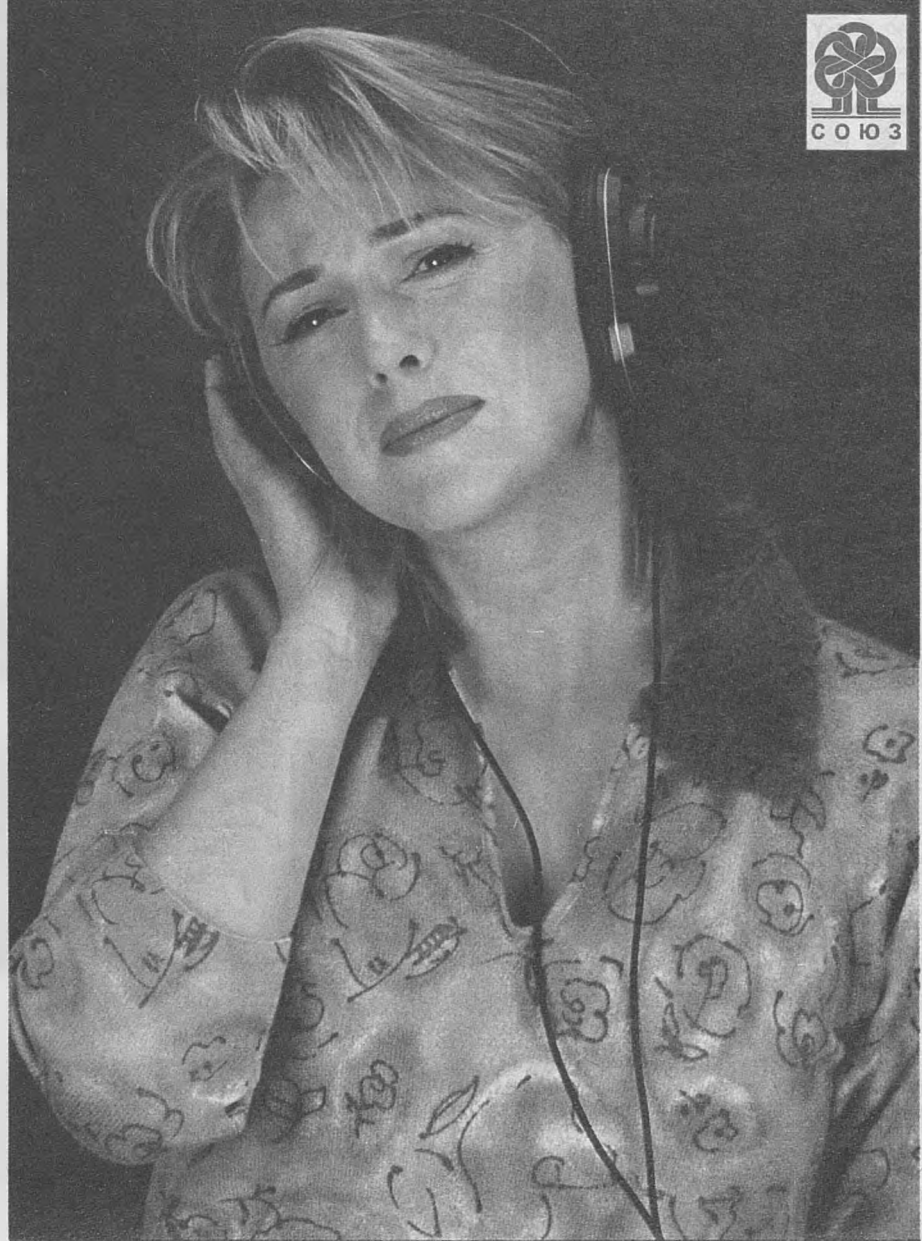
— Совсем нет. Более того: я жалею людей, прицепившихся к ней. Они просто не понимают специфики поп-музыки. Жанр огромен, интересен, любим, и когда люди, извините меня, могут только обкакать и больше ничего... У них не хватает мужества включить мозг и понять, почему вся страна любит, а один человек или десять — нет. Не могут же быть все уродами, а один такой умный. И потому давайте либо снизойдем, либо покопаемся в этом жанре...

— Давайте. Мэрайя Кэри, Энни Леннокс, в конце концов, Алена Свиридова...

— Не хочу обсуждать творчество Алены Свиридовой:

Мечта любого провинциала, устремившегося покорять белокаменную, — стать круче оставшихся где-то вдалеке сородичей, друзей и приятелей. Если вам говорят, что это не так — не верьте. Алена Апина — живое воплощение провинциальной мечты. Спустя десять лет после приезда из Саратова она может позволить себе покупать костюмы от Армани, ездить на иномарке, отдыхать со своим мужем-продюсером Александром Иратовым исключительно за границей, выпускать каждый год по альбому. Последний — «Объяснение в любви» вышел на студии «Союз» в начале мая.

АЛЕНА АПИНА:

И ЧЕГО ЭТО ЗА «КСЮШУ» В МЕНЯ ВСЕ ВЪЕЛИСЬ?!

не знаю, в каком жанре она работает. Но это не значит, что я кого-то осуждаю. Например, мне не нравятся некоторые новомодные рок-группы — скажем, «Агата Кристи». Активно не нравятся. Но я сажусь и смотрю их концерты, стараясь понять, почему это приглянулось многим.

— В вашем возвращении, как вы говорите, «к прежнему образу» есть какие-то коммерческие моменты?

— Безусловно. И ничего плохого в этом нет. Хорошо, что я подписала длительный контракт со студией «Союз». Пока на три альбома, но, наверное, я буду продолжать сотрудничество.

— Собираетесь ли вы, как это сейчас принято, «освятить» свой новый альбом сольными концертами в столице?

— Не хочу, устала. Лет пять не буду выступать в Москве... Помню, как в 1988 году я ездила с группой артистов со сборным концертом и там чего только не было — Боже мой! Люди выходили на сцену — что хотят, то и поют. В чем по улице ходили, в том и на сцену лезли. Сейчас мне даже стыдно было бы выступать на подобном уровне.

— Вы пошли явно по другому пути...

— Я сознательно выхожу на сцену в простых туалетах. Мне это нравится. Я по натуре своей девочка из провинции, с улицы. И переделывать меня ни Москва, ни любимый муж, ни пафосное богеменное окружение уже не смогут.

Да, в жизни я гранд-дама, но на сцене — нет. Это мой воздух, моя жизнь. Только на сцене я могу быть такой, какой я себя люблю. А все остальное — игра.

Многим кажется, что жизнь артиста — это сплошной фейерверк — никаких проблем, поклонники, цветы, подарки, признания в любви. Все это так далеко от действительности!.. И проблем, кстати говоря, хватает.

— Надеюсь, не семейных?

— Всякое бывает. Хотя мы с Сашей уже семь лет вместе, собаку съели, уже и развелись, и ругались — мы настолько знаем привычки друг друга, даже мыслим одинаково. И променять это ради чего-то такого мимолетного, радужного, с голубыми крыльями — не дай Бог. Боюсь.

— А если вас все-таки поразила вспышка молнии?

— Хватать огнетушитель — и сразу же тушить.

— И после дарить друг другу безумно дорогие подарки — вам же этого хочется?

— Кому ж этого не хочется. Но мой муж не умеет делать подарки. Раньше вообще были одни слезы: «Пойдем в магазин, что-нибудь тебе купим». Я говорю: «Саш, это не подарок, это покупка». В этом году я ему подарила огромный перстень Картье — дорогойший безумно — и уехала на гастроли, засунув его под подушку. Так он радовался как ребенок. Скоро у меня день рождения — я даже не знаю, что от него ждать.

— Наверное, никак не меньше представления «Сюрприз от...»?

— Я же понимаю, что я не Алла Борисовна, а Алена Апина. Если соберутся мои друзья в узком кругу в ресторанчике и споют мне те же самые песни — мы будем весело все это обсуждать, хотеть, пить, гулять, веселиться...

— Но как это возможно?! Вы же иногда жалуетесь на постоянную нехватку денег. Откровенно говоря, вас даже немного жаль — создается впечатление, что вы не можете себе позволить даже новую пару туфель. А тут — перстни от Картье...

— По счастью, туфли я могу себе позволить.

— А что не можете?

— Да сколько угодно! Мне

хотелось бы на каждую песню клип снять, посадить на зарплату всех своих музыкантов, чтобы они не зависели от гастрольной жизни. Мне вообще хотелось бы иметь много денег.

— Вы расточительны? Например, у вас в кармане лежит три тысячи долларов. Сможете вы пойти, скажем, в магазин и потратить их зараз?

— Легко. А потом буду сидеть... Нет, я никогда не стану богатой женщиной — будь у меня даже любовник арабский шейх. Потому что ни я, ни муж не умеем считать, хранить... У нас нет банковских вкладов. У нас нет ничего — только квартира, дача в Подмоскovie. А деньги — они как вода. Я не понимаю, что происходит...

— То есть под утро после бурного гулянья вы наскребаете полторы тысячи на метро...

— Ну не до такой степени. Просто для того, чтобы иметь деньги, нужно обладать особым, «коммерческим» складом ума. У меня его нет и никогда не будет, а у Саши — тем более.

— Попробовали бы быть поэкономнее...

— Да вы что! Я как деньги увижу, мне их хочется сразу же куда-нибудь выкинуть... Но я не расстраиваюсь, потому что заметила: когда человек голодный и злой, у него мозги работают. Как только он набивает себе живот, ему ничего не хочется. Так что пока деньги исчезают, есть стимул чего-то делать.

— Может быть, нужно быть в меру голодным и в меру злым?

— Не согласна. Вообще так не могу — я человек крайностей: либо мне весело, либо грустно. Среднего состояния у меня не бывает.

— О жизни вашего мужа известно все — до встречи с вами он был женат, у него есть сын, с которым вы прекрасно ладите. Ваш же «доиратовский» период покрыт тайной — у вас действительно не было серьезных романов?

— Конечно, были, я ведь живой человек. Но я даже не хочу о них говорить.

— Все настолько плохо?

— Нет, было нормально. Но если бы я заранее знала, что будет такая встреча в моей жизни, наверное, хранила бы верность и ждала этого принца.

— При знакомстве вы сразу поняли, что Иратов сможет помочь вам в карьере?

— Когда мы с ним познакомились, у него, кроме машины, не было ничего — ни квартиры, ни дачи. О какой там обеспеченности можно говорить! Единственное — он человек, который занимается шоу-бизнесом.

— Тоже большой плюс.

— В тот момент это мало интересовало — я сама была крутая и важная, собирала целые стадионы. Муж может быть и продюсером, но дураком. Но мне и, например, Тане Овсиенко безумно повезло — и мы своим мужьям очень благодарны. Как только мы с ней сядем вдвоем, так только об этом и говорим.

— Может, вас это и останавливало от последнего шага?

— Да нет. Просто в каждой семье бывают нелады. И это нормально. Он что-то не то сказал, сделал, не так посмотрел, приревновал или я его приревновала.

— Вы ревнивая?

— Да нет. Ревность — большая глупость.

— А жадность?

— Я не знакома с этим понятием.

— Как и с тем, чем время от времени занимается, скажем, Ирина Аллегрова — написанием любовных романов. Негоже отставать.

— Что же вы мне кислород перекрываете? Я еще молодая, сильная, здорова, еще и книжки буду писать. У меня еще все впереди...

Ирина ШПИЛОВА.